

к большому сожалению, несмотря на существующие разработки проблем государственной, национальной и конституционной безопасности, данная проблематика все еще нуждается в глубоком, комплексном и системном анализе. Динамика развития событий в современной России, соседних государствах, а также во всем мире диктует настоятельную необходимость обращения к данной теме прежде всего представителей юридической науки. Именно на юридическую науку возлагается груз ответственности за решение как системообразующих проблем государственной, национальной и конституционной безопасности, так теоретико-прикладных проблем, таких, как систематизация категориального аппарата в данной области.

Следует также сделать вывод о необходимости более серьезного и внимательного отношения российских законодателей к проблемам национальной, государственной и конституционной безопасности, их комплексного и системного законодательного обеспечения в контексте выработки оптимальных законодательных средств противодействия соответствующим угрозам.

Литература

1. Зеленков М. Правовые основы общей теории безопасности Российского государства в XX веке. М., 2002.

2. Гордиенко В.В. Безопасность России в условиях глобализации (криминологические и социально-правовые проблемы): Автореферат дис. ... доктора юридических наук. М., 2005.

3. Возжеников А.В. Национальная безопасность в России. М., 2002.

4. Вахрамеев А.В., Кулешов С.Г. Национальная безопасность России. М., 2003.

5. Булавин В.И. Национальная безопасность современной России: Дис. ... канд. юрид. наук. Н.Н., 1999.

6. Мамонов В.В. Конституционные основы национальной безопасности: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2004.

7. Шуберт Т.Э. Конституционная безопасность: понятие и угрозы // Право. 1997. № 4; Шуберт Т.Э. Национальная безопасность России: конституционно-правовые аспекты. Сравнительно-правовые исследования // Право и закон. 2001.

8. Гончаров И.В. К вопросу о понятии конституционной безопасности федеративного государства // Государство и право. 2003. № 12.

9. Бондарь Н.С. Конституционная безопасность личности, общества, государства: постановка проблемы в свете конституционного правосудия, обеспечения социальной справедливости, равенства и прав человека // Правовая реформа, судебная реформа и конституционная экономика: Сборник статей. М., 2004.

УДК 342.4

Цалиев А.С.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ НОРМ — ПУТЬ К ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОМУ РАЗВИТИЮ ОСЕТИИ

В статье рассматриваются вопросы совершенствования некоторых норм Конституции Республики Северная Осетия-Алания и Конституции Республики Южная Осетия. Предлагается включить в указанные конституции понятие и характеристику социального государства. Анализируются также проблемы регулирования земельных отношений и проблемы формирования государственной идеологии.

The article considers the issues of the improvement of some constitutional and judicial norms of the Constitution of the Republic of South Ossetia and of the Republic of South Ossetia. It proposes to include to the above mentioned constitutions the concept and the characteristic of a social state. It also gives the analysis of the regulation of the land relationships and of the problem of formation of state ideology.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, Конституция Республики Северная Осетия-Алания, Конституция Республики Южная Осетия, совершенствование некоторых конституционно-правовых норм, социальное государство, государственная идеология.

Key words: Constitution of Russian Federation, Constitution of the Republic of South Ossetia, improvement of some constitutional and judicial norms, social state, state ideology.

Для дальнейшего государственно-правового развития Осетии весьма важное значение имеет совершенствование конституционных норм, принципов и ценностей. Они составляют основу текущего законодательства, организации и деятельности органов государственной власти, закрепляют народовластие. Вместе с тем многие из них не только представляют собой чисто правовую материю, но и несут значительную идеологическую нагрузку, определяя мировоззренческие пути развития общества и государства в различных сферах жизнедеятельности.

В Конституцию Республики Северная Осетия-Алания как субъекта Российской Федерации вошли многие принципиальные положения Конституции Российской Федерации. Но и народ Южной Осетии, являясь частью единой Осетии, совместно и добровольно вошедшей в состав России в 1774 году, а затем и СССР, в своей конституционно-правовой сфере во многом следует традициям российского конституционализма. Основой тому являются историческая, государственно-правовая, идеологическая и генетическая связи поколений наших народов. Это не могло не сказаться и на содержании Конституции Республики Южная Осетия, хотя ныне она – самостоятельное государство.

Такие нетипичные исторические сюжеты в судьбе одного народа, руководствовавшегося столетиями в своей жизни нормами обычного права – адатами, вызывают закономерный интерес к тому, насколько эти неписанные нормы сохранились в действующих Конституциях обеих республик, если не в буквальном смысле, то хотя бы их дух. К сожалению, это практически невозможно обнаружить даже при очень внимательном изучении конституционных норм. На мой взгляд, это стало следствием безудержной, бездумной и ничем не аргументированной критики норм обычного права, хотя именно благодаря им народ, и не только осетинский, столетиями и тысячелетиями смог сохранить себя и свою национальную самобытность.

После Октябрьской революции все связанное с прошлым стали крушить и уничтожать, пытались строить жизнь «с чистого листа». Для этого десятилетиями предпринимались невероятные усилия, вплоть до различных форм насилия, по искоренению национальных обычаев и традиций, многих правил и норм социального поведения. Насаждалась ускоренными темпами новая, советская мораль взамен веками сложившихся устоев и идеалов поведения и нравственности. Наступало время, ког-

да умеренность приравнивалась к ретроградству, когда тяготение к сохранению традиций, самобытности, преемственности считалось приметой дурного тона, когда уничтожение будет объявлено соизданием [1, с. 238]. Надо сказать, что эти процессы начались еще раньше, и к ним, к сожалению, непосредственное отношение имели и некоторые наши соотечественники. Так, известный царский генерал М. Кундухов, воспитанный на идеях Просвещения, резко выступал против части народных обычаев и традиций. Вступая в должность начальника Военно-Осетинского округа (населенного не только осетинами), он провозгласил программу преобразований на основе «развития всякой гражданственности и благоустройства в народе». В ряде институтов народной жизни он видел «нелепость и зло», находя их «не соответствующими духу настоящего времени», «обременительными и разоряющими домашнее благосостояние». М. Кундухов заявил горцам о своем намерении вывести их из нищеты и «поставить в состояние цивилизованных народов». Отменяя одни адаты и существенно изменяя другие, он стремился регламентировать горскую жизнь до «мелочей», вплоть до подробных указаний – что и сколько может быть съедено и выпито на поминках, как вести себя женам на похоронах мужей, какие памятники ставить на могилах, каким божествам поклоняться, сколько человек приглашать на свадьбу и т.д. Причем М. Кундухов исходил из критерия «рациональности» или «нелепости» обычая, в данном случае – критерия весьма ненадежного, ибо традиционные культуры имеют свою «рациональность», со стороны часто кажущуюся несуразицей. Не совсем понимавший это М. Кундухов полагал, будто для успешного утверждения нового порядка достаточно строгого его исполнения, с широким применением штрафов по отношению к нарушителям. Круто ломая привычный уклад народной жизни, он, конечно, руководствовался самыми благими побуждениями и еще не мог знать о том, что другой «радикал-реформатор» Шамиль, заимствовавший восточные образцы государственности, уже после пленения признает грубой ошибкой свое стремление одним ударом покончить с «вредными» привычками горцев, вместо того чтобы предоставить это времени и естественному ходу вещей [1].

Мировая этнологическая наука пришла к выводу, что обычаи представляют собой отлаженную веками систему организации жизнедеятельности и самосохранения общества, механизма приспособления к окружающей среде (рельеф, климат, поведение соседних народов и т.д.). Вобрав опыт

многих поколений, они упорядочили человеческие отношения, прекратили состояние «войны всех против всех», способствовали достижению социального равновесия, политической стабильности, этнической целостности. Обычай, будучи еще и средством формирования народного самосознания, помог людям обрести собственное лицо. В этой, так сказать, «самоидентификации» заложена мощная духовная и психологическая энергия, прочная нравственная опора, позволяющая этносу ощутить в себе то, что С.Н. Соловьев назвал «природой племени». Огромная информация об этой «природе», как правильно пишет В. Дегоев, закодирована именно в обычаях [1, с. 246].

Только в последнее время заговорили о высоком социальном значении норм обычного права как эффективных регуляторов социального поведения, которые должны дополнять действующее правовое регулирование и правоприменительную деятельность. В частности, это касается мировых судей, которые, как правильно указывают в литературе, практически не используют национальные обычаи и традиции, не учитывают местную специфику, позволяющие повысить авторитет суда и качество его работы [2, с. 89]. Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин правильно обращает внимание на то, что «мы должны серьезно, ответственно и бережно учитывать и использовать сохранившиеся в российской социальной ткани неписанные нормы здоровой массовой моральной регуляции. Мы должны использовать и поддерживать их хотя бы потому, что только они, по большому счету, реально восполняют все еще недостаточную эффективность законодательного правового регулирования» [3, с. 2]. Эти суждения более всего касаются национальных республик, где в регуляции социального поведения все еще важное место занимают нормы традиционного общества – обычаи, традиции, составляющие основу неписаной Конституции и отражающие представления о добре и зле, справедливости и несправедливости.

Но как в сегодняшней действительности, в условиях невероятного социального расслоения, воспитать уважение не только к нормам обычного права, но и к Закону? На мой взгляд, это можно сделать только с помощью эффективной деятельности правоохранительных и судебных органов и заинтересованных институтов гражданского общества. Они должны обеспечить реализацию социальной функции государства, которую необходимо закрепить в Конституции. В настоящее время в Консти-

туциях Северной и Южной Осетий дается характеристика республик как демократических правовых государств (см. ст. 1 Конституции Республики Южная Осетия и ст. 1 Конституции РСО-Алания). Вместе с тем в них отсутствуют важнейшие положения **о справедливости и социальном государстве**, что свидетельствует о минимизации социальной роли государства. Об их роли и значении в обеспечении стабильности и консолидации нашего общества в последнее время часто высказываются государственные и политические деятели, научные и практические работники.

Принцип социальной справедливости закреплен в конституциях многих стран, хотя содержание его в них не раскрывается. Как известно, наши реформы начинались под флагом социальной справедливости. К сожалению, мы несколько не приблизились к ней, наоборот, на мой взгляд, наше общество все более отдаляется от этой цели. Несправедливость, ставшая сегодня едва ли не главной приметой жизни нашего общества, отмечаемой многими объективными исследователями, опирается на большой фактический материал. В этой связи правильно и образно высказался Президент РФ В.В. Путин: **«Каждый рубль, направляемый в социальную сферу, должен «производить справедливость». Справедливое устройство общества, экономики – главное условие нашего устойчивого развития».**

Государство, как продукт общественного развития, должно носить социальный характер и заботиться об установлении в обществе социальной справедливости, о благополучии своих граждан, их социальной и правовой защищенности. Более конкретные цели социального государства достигаются такими методами социальной политики, как: установление гарантированного минимального размера оплаты труда; обеспечение государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан; установление государственной пенсии, пособий и иных гарантий социальной защиты; охраны труда и здоровья людей и т.д. Государство, которое не ставит таких целей и не предпринимает эффективных мер для их достижения, обречено.

Что касается Республики Северная Осетия-Алания и Республики Южная Осетия, то достижение указанных и иных социальных целей, превращение их из благого пожелания в реальность зависит прежде всего от определения содержания

понятия «социальное государство» и его закрепления в Конституциях и соответствующих республиканских законах. При этом важнейшее значение имеет конституционное закрепление государства как **социального** не в обычных главах Конституции, которые легче менять, а **в основах конституционного строя**, с тем чтобы государство, при сменах правительств и правящих партий, оставалось социальным.

Наличие конституционного положения о социальном характере государства обязывает государственные органы и должностных лиц добиваться целей социального государства. Надо отметить, что не только российское национальное законодательство содержит достаточно развернутые положения о социальном характере государства. В региональном законодательстве также встречаются интересные нормы о социальной ориентированности субъектов Российской Федерации. Особо следует выделить положения конституций о семье и детстве. Так, согласно Конституции Республики Татарстан «государство проявляет заботу о семье, уделяет особое внимание обеспечению здоровья матери и ребенка и воспитанию детей. Граждане Республики Татарстан несут ответственность за воспитание своих детей» (статья 30).

По Конституции Республики Саха (Якутия) «государство создает систему гарантий защиты и охраны здоровья женщины и ребенка. Воспитание в семье и обществе имеет целью формирование человека как свободной, нравственной и просвещенной личности, уважающей честь, достоинство и свободу других людей, носителя национальной и общечеловеческой культуры» (статья 11). В этой части представляются оригинальными положения Конституции Чеченской Республики: «Чеченская Республика осуществляет гуманитарную демографическую политику, охрану материнства и детства, оказывает необходимую помощь семье как основной социальной ячейке общества, обеспечивает ей гарантированный прожиточный минимум» (статья 12); «Чеченская Республика проводит активную молодежную политику» (статья 13).

Явный патернализм приведенных норм конституций следует признать исключительно позитивным. Они направлены на увеличение народонаселения республики, на утверждение ценностей семьи, защиту материнства и детства. Интересно, что многие из указанных положений в глубине своей перекликаются с нормами осетинского обычного права. До сих пор в народных обычаях и традициях,

в том числе застольных, содержатся пожелания: молодежи – «Быть сильнее и умнее своих старших», «Пусть люди уважают вас за труд и благочестивый нрав», молодым на свадьбах – «Пусть у вас родится семеро мальчиков и одна девочка», старшим – «Чтобы продолжатели Вашего рода росли и крепки, славили не только род свой, но и всю Осетию» и т.д.

В настоящее время в национальном российском и международном праве человек, его права и свободы признаются высшей ценностью. Хотя в мире встречаются и другие примеры. Так, в принятой в 2012 г. Конституции Сирии высшей ценностью признается «мученичество ради Родины». Но не стоит сразу же ерничать по этому поводу. Такая государственная идеологическая установка не возникает на пустом месте. Во всяком случае она предполагает чувство жертвенности членов общества за свою Родину. И нам ли не понимать этого с учетом истории своей страны?! И не стоит ли нам в наше исторически переломное время, когда крушится сложившийся миропорядок, задуматься обо всей ценностной шкале, если мы хотим сохранить свой народ и свою Родину? Неслучайно помощник Президента РФ по взаимодействию с Южной Осетией и Абхазией В. Сурков, принимая во внимание сложную международную обстановку, на первом заседании вновь избранного Парламента Республики Южная Осетия отметил: «Нам надо оперативно разработать новый план, согласно которому мы сможем наладить более активное взаимодействие в области обороны, безопасности и социального обеспечения» [4].

Мы признаем приоритет человека перед государством, поэтому настаиваем на том, чтобы деятельность государства получала человеческое измерение, раскрывающее права человека как индикатор демократизма и гуманизма. Поэтому вряд ли можно согласиться с тем, что Конституция Республики Южная Осетия не содержит важного положения о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, закрепленного в Конституции Российской Федерации и Конституции Республики Северная Осетия-Алания в Главе I «Основы конституционного строя». В то же время совершенно правильно права и свободы человека даются в ней в одной связке с обязанностями, поскольку важно знать, что права и свободы человека ограничены его обязанностями по отношению к обществу, государству и правам других лиц. Необходимо взаимное уважение и соблюдение прав и обязанностей индивидами, обществом, государством, всеми институтами публичной власти. Совершенно

прав Президент Российской Федерации В.В. Путин, который в своем ежегодном Послании Федеральному Собранию РФ 2013 года отметил, что «...смысл конституционной нормы о социальном государстве и справедливости заключается во взаимной ответственности государства, общества, бизнеса, каждого гражданина».

Следует подчеркнуть также, что для Осетии, с учетом ее малоземелья, **необходимо совершенствование конституционно-правового регулирования всех вопросов, связанных с земельными отношениями**. Отмечу, что согласно ст. 72 Конституции Российской Федерации вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов. Данное конституционное положение стало основой соответствующей нормы Конституции Республики Северная Осетия-Алания. Напомню, что эта норма в первоначальной редакции нашей Конституции предусматривала, что «земля и другие природные ресурсы могут находиться в государственной, муниципальной, коллективной и иных формах собственности...». Как видно, здесь напрямую не указывалось право частной собственности на землю. Именно на таком содержании статьи исходя из малоземелья настояли мы – члены Конституционной комиссии – в период разработки проекта Конституции.

Однако в 2000 году данная конституционная норма была изменена и принята в следующей редакции: «Земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности...». Очевидно, что в данной редакции упор делается на право частной собственности на землю.

Указанные изменения фактически носили вынужденный характер и были инициированы из федерального центра. В результате принятия Земельного кодекса Российской Федерации с явными нарушениями конституционной процедуры принятия федеральных законов по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, в относительно небольших по территории субъектах Российской Федерации возникла реальная угроза земельного дефицита для абсолютного большинства населения, влекущая проблемы в сфере продовольственной безопасности, самостоятельности муниципальной власти и многие другие.

В условиях существенного перепада в количественном и качественном соотношении территорий (и соответственно земельных ресурсов) субъектов Российской Федерации необходимым видится более дифференцированное правовое регулирование земельных отношений в Российской Федерации. На мой взгляд, необходимо более подробно учитывать особенности ситуации с землей в каждом конкретном субъекте Российской Федерации, что возможно только с большей долей участия самих субъектов РФ в решении данного вопроса. Настоящая проблема выявляется и в частных случаях. Так, например, в Конституционный Суд Республики Северная Осетия-Алания обратился гражданин с запросом о толковании части 2 статьи 10 Конституции Республики Северная Осетия-Алания, которая предусматривает, что земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности в соответствии с законодательством Российской Федерации и законодательством Республики Северная Осетия-Алания. Заявитель считал, что земля не может находиться в частной собственности, в том числе для использования ее в предпринимательских целях, так как приватизируется без учета малоземельности и социально-экономической ситуации в республике. По указанному вопросу Конституционный Суд Республики Северная Осетия-Алания принял Постановление от 14 мая 2013 года № 2-П, в котором указал, что придание положениям части 2 статьи 10 Конституции Республики Северная Осетия-Алания смысла, допускающего возможность введения с учетом малоземельности и социально-экономической ситуации в Республике Северная Осетия-Алания абсолютного запрета на использование земли в предпринимательских целях, будет противоречить смыслу, заложенному законодателем в указанных нормах, с учетом их системной связи с нормами Конституции Российской Федерации, федеральных законов и статьями 11 (части 1 и 2), 34, 35 Конституции Республики Северная Осетия-Алания.

В то же время право частной собственности не принадлежит к таким правам, которые в силу части 3 статьи 56 Конституции Российской Федерации не подлежат ограничению ни при каких условиях. Однако как сама возможность введения ограничений данного права, так и их характер определяются законодателем не произвольно, а в соответствии с Конституцией Российской Федерации, предусматривающей в части 3 статьи 55, что права и свобо-

ды человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Так, законодатель Республики Северная Осетия-Алания на основании Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» принял Закон Республики Северная Осетия-Алания от 14 мая 2004 года № 17-РЗ «Об особенностях регулирования земельных отношений в Республике Северная Осетия-Алания» [5], в котором установил мораторий на 49 лет на приватизацию земель сельскохозяйственного назначения (часть 2 статьи 12). Однако приватизация и этой категории земель производится путем перевода ее в другие категории, что активно практикуется в республике в последние годы. Поэтому, на мой взгляд, требуется более жесткое правовое регулирование вопроса о земельных отношениях с учетом общих интересов народа Осетии.

Конституция Республики Южная Осетия не содержит прямой записи о частной собственности на землю, но в ней предусмотрено, что земля, недра и другие природные ресурсы используются и охраняются государством, как основа жизни и деятельности граждан Республики Южная Осетия (ст. 12, ч. 1).

В мировой практике существуют примеры рационального использования земельных богатств – с учетом территории страны и ее особенностей, путем регулирования масштабов собственности на землю. В странах же мусульманского фундаментализма священной считается не частная, а публичная собственность, и все природные богатства принадлежат государству. А в России горсткой лиц в огромных масштабах приватизированы национальные природные богатства, в том числе земля. Таких бизнесменов много и в Осетии. О серьезности ситуации говорят цифры, приведенные Главой Республики Северная Осетия-Алания в своем Послании Парламенту Республики Северная Осетия-Алания за 2013 год. Он отметил: «Северная Осетия – малоземельная республика, у нас каждый клочок пашни на счету и должен активно использоваться... Инвентаризация земель выявила, что из 87 тысяч квадратных метров земли, закрепленной за государственными предприятиями, в районные фонды было незаконно изъято и перераспределено 37 тысяч квадратных метров. То же касается и федеральной земли». В этой связи Глава республи-

ки обратился в Парламент с просьбой вернуться к тексту Республиканского закона «Об особенностях регулирования земельных отношений в Республике Северная Осетия-Алания». Теперь читатель сам может задуматься над тем, к чему приводит сомнительная конституционная норма и еще более сомнительная практика ее применения. Для меня же ясно, что без ответственных, разумных и справедливых политико-правовых решений земельного вопроса в рамках конституционного поля нас могут ожидать большие социальные потрясения.

История свидетельствует о том, к каким острым конфликтам и политическим потрясениям приводил осетинское общество земельный вопрос. Ныне наши местные нувориши не хотят понимать, что проблема установления справедливости в обществе – одна из древних и вечных, и думают, что она их не коснется. Действительность же подтверждает правоту пророчества известного бизнесмена Б. Березовского: «Никто из тех, кто с большими деньгами, не уйдет без крови».

Народ может смириться с обогащением отдельных индивидов, если оно является результатом их собственного труда. По словам В.В. Путина, ему «нужна история не просто успеха – но справедливого успеха с точки зрения окружающих. Успеха, доставшегося тяжелым трудом, умением рисковать, готовностью брать ответственность за других» [6]. А если вдруг, за два-три месяца, никому не известный и ничего не сделавший в жизни человек становится миллиардером за счет присвоения принадлежащих всем нам природных богатств, то рано или поздно кара, земная или небесная, настигнет его. Так стоит ли в состоянии постоянного страха тратить непомерные усилия для незаконного обогащения в нарушение библейских установлений – «не укради», «возлюби ближнего своего» и других нравственных постулатов, если тебя неизбежно ожидает возмездие за свои грехи? Хуже того – за тебя ответят твои дети, внуки и правнуки, как предупреждает Библия.

В совершенствовании нуждается также ст. 12 Конституции Республики Северная Осетия-Алания, которая по своему содержанию воспроизводит ст. 13 Конституции Российской Федерации. Признав в ней политическое и идеологическое многообразие, в нее абсолютно необоснованно включили норму о том, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве обязательной или государственной». Сегодня такую установку можно однозначно назвать вредоносной или даже прово-

кационной. По мнению известных патриотически настроенных ученых, «дальнейшее затягивание вопроса формирования государственной идеологической основы чревато потерей Россией независимости и государственного суверенитета с дальнейшим исчезновением с политической карты мира» [7].

Республика Южная Осетия по данному вопросу поступила более мудро. Будучи суверенным государством, по примеру более 40 европейских государств, конституции которых я проанализировал, она в свою Конституцию не включила норму об установлении или запрете государственной идеологии. Социальная практика и политика свидетельствуют о том, что независимо от какого-либо юридического запрета государство в любом его состоянии, а, тем более, если оно хочет состояться и развиваться, не может обойтись без своей идеологии. Поэтому указанная конституционная норма всего лишь в очередной раз показала, что российская государственная политика и идеология продолжают осуществляться по традиционной «маятниковой» системе. А крайности, как известно, ломают все, что между ними, и приводят к трагическим последствиям в общественной и государственной жизни, о чем свидетельствуют многочисленные примеры из истории, и не только российской. Совершенно правильно отказавшись от конституционного закрепления руководящей роли коммунистической партии как ядра политической системы и предусмотрев политическое и идеологическое многообразие, мы кинулись в другую крайность – отрицание какой бы то ни было государственной идеологии. С этим нельзя согласиться, поскольку государственная идеология в любой из ее форм является столь же неотъемлемым признаком всякого государства, как государственный суверенитет, территория, право, органы государственной власти и т.д. Ослабление идеологических основ губительно для государства. Разве это не подтверждается судьбой бывших могущественных государств, от Римской империи до Советского Союза? Закономерно и исторически оправданно, что в современных демократических правовых государствах, при всем в них политическом и идеологическом многообразии, есть своя государственная идеология. Абсолютно справедливым является утверждение известных ученых о том, что идеологическая функция – одна из важнейших функций государства. Объектом ее воздействия являются не только правосознание граждан, но и другие формы общественного сознания. Идеологическая деятельность государства помогает аккумулировать

общенациональные интересы и реализовывать их в политике государства, способствует мобилизации материальных, финансовых и людских ресурсов для их использования в социально значимых целях.

Ошибочность запрета на установление государственной идеологии в Конституции Российской Федерации и в Конституции Республики Северная Осетия-Алания логически подтверждается многими другими конституционными нормами. Так, разве характеристика России как демократического правового социального государства, предусмотренная в ст.ст. 1 и 7 Конституции Российской Федерации, не относится к государственной идеологии? А конституционное признание, наряду с государственной собственностью, других форм собственности, включая частную, не предполагает коренного изменения социалистической идеологии? Или возьмем другую важнейшую конституционную норму о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. А разве ст. 16 Конституции Республики Северная Осетия-Алания и ст. 8 Конституции Республики Южная Осетия, где говорится об особых отношениях между этими республиками на основе этнического, национального, историко-территориального единства, социально-экономической и культурной интеграции, не включают элементы государственной идеологии?

В связи со сказанным важно понять – когда государство де-юре лишено права иметь свою идеологию, то де-факто ее формируют разные социальные группы, поскольку, как известно, «природа не терпит пустоты». Так, взамен социалистических идей и ценностей пришли новые представления, навеянные победившей в «холодной войне» стороной. Причем представления, навязанные российскому обществу и прежде всего ее правящему классу, носили явно пропагандистский характер, т.е. были весьма далеки от реальных практик, имеющих место на Западе. Это касалось, в частности, содержания таких понятий, как «демократия», «рыночная экономика», отказ от государственного регулирования и др. Наши младореформаторы во главе с Б. Ельциным, подобно телятам на бойне, послушно следовали рекомендациям западных советников отказаться от государственного планирования и регулирования в пользу рыночной экономики. Ситуацию достаточно откровенно и цинично охарактеризовал высокопоставленный американский чиновник, советник Дж. Буша по конфликтам С. Манн, заявив о том, что стратегия «управляемого хаоса» США по отношению к России была реализована с помощью двух

вещей: подталкивания Советского Союза к ложным демократическим реформам в политической сфере и создания рыночной экономики в сфере экономической. Результат не заставил себя долго ждать: к концу 90-х гг. неуклонный процесс развала государственности обернулся угрозой распада уже России, где возобладала групповая идеология, чаще всего направленная на удовлетворение не всеобщих интересов, а частных, преследующих сугубо личные, своекорыстные, узкоэгоистические цели.

Сегодня же, например, осознав ошибочность отказа в политике и идеологии от государственного регулирования, совершенно правильно возвращаются к нему. Недаром Президент РФ В.В. Путин 28 июня 2014 года подписал Закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации», в который как раз укладывается концепция «будущих пятилеток» правительства. Государственное планирование социально-экономического развития страны позволит решить задачу повышения качества жизни населения, роста российской экономики и обеспечения безопасности страны с помощью целого ряда мер экономического, политического, организационного и идеологического характера. Такое планирование происходит, например, в Японии, что не мешает экономике страны стремительно развиваться [8]. Полагаю, что государственное планирование и регулирование являются основой дальнейшего развития государственности наших двух республик. В этом плане следует одобрить ст. 9 Конституции Республики Южная Осетия, где говорится, что «экономика Республики Южная Осетия функционирует на основе принципов социально-ориентированного рыночного хозяйствования, регулируемого государством».

Имея в виду все вышесказанное, меня удивляет инертно-равнодушное отношение нашей научной и интеллигентской общественности к столь серьезным проблемам современности, которые оказывают наиболее негативное влияние на национальные республики, где значительное распространение продолжают иметь кровно-родственные, кумовские, ущельские и прочие связи. В этом смысле государственная идеология в федеративной России обязательно должна учитывать своеобразие ее субъектов. Но такие вопросы чрезвычайно редко поднимаются на научно-идеологическом уровне. А ведь «на дворе» время, когда всем, особенно политическим партиям, необходимо определиться в своей идеологии. При этом вопрос ставится ребром: она может быть

патриотической и суверенной или приспособленческой, сродни пораженческой.

В настоящее время Россия во главе с ее Президентом В.В. Путиным является олицетворением новой государственной идеологии с ее здоровыми консервативными элементами, которая может составить конкуренцию господствующей на Западе неолиберальной идеологии. Но вполне очевидно, что ей пока не хватает фундаментальности, системности, целенаправленности, настойчивости, последовательности и тому подобных составляющих, без которых она не может быть эффективной. И здесь нет мелочей. Особенная роль должна отводиться СМИ. А пока мы, с одной стороны, реанимируем военные кафедры в вузах, суворовские училища, комплексы ГТО, предпринимая меры по усилению военно-промышленного комплекса, создаем программы о военно-патриотическом воспитании и любви к Отечеству, а, с другой стороны, допускаем, чтобы по центральному телевидению в самое удобное для телезрителя вечернее время транслировались передачи типа «Давай поженимся», «Пусть говорят», одиозный «Дом 2». Я уже не говорю о порноэпизодах в фильмах, которые на Западе не показывают по общественному телевидению. Как можно в этом идеологическом хаосе взрастить здоровое поколение? К тому же культурно-воспитательная работа, которая составляет основу государственной идеологии и является предметом совместной компетенции Российской Федерации и ее субъектов, должна на региональном уровне иметь свои специфические особенности. Применительно к Осетии это может быть идеологическая работа, направленная на реанимирование наших прогрессивных обычаев и традиций, культурно-исторического наследия, национальных ценностей, среди которых основное место должно занять обеспечение социальной и исторической справедливости в единой Осетии.

В заключение отмечу, что совершенствование рассмотренных конституционных норм, развитие на их основе текущего законодательства и правоприменительной практики, формирование патриотической общественной идеологии, мобилизация государственных и общественных ресурсов будут в значительной степени способствовать государственно-правовому развитию Республики Северная Осетия-Алания как самостоятельного субъекта Российской Федерации, а Республике Южная Осетия помогут в полной мере утвердиться в качестве суверенного государства – признанного и самостоятельного субъекта международного права.

Литература

1. Дегоев В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2003.
2. Гравина А.А. Правовая регламентация организации и деятельности судов субъектов Российской Федерации // Журнал российского права. 2014. № 6.
3. Зорькин В.Д. Проблемы конституционно-правового развития России (к 20-летию Конституции РФ) // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 2.
4. Газета «Северная Осетия». 2014. 25 июня.
5. Газета «Северная Осетия». 2004. 1 июня.
6. Путин В.В. Строительство справедливости. Социальная политика для России. // Комсомольская правда. 2012. 13 февраля.
7. Гончаров В.В. Роль государственной идеологии в централизации власти в России: исторический опыт и современное состояние // СПС «Консультант Плюс».
8. В России вводятся плановые «пятилетки» // Известия. 2014. 3 июля.

УДК 341.23

Шиянов А.В.**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА
ТРАНЗИТА ЭНЕРГОРЕСУРСОВ**

В статье исследуются международно-правовое содержание транзита электроэнергии и природного газа через сухопутные энерготранспортные системы. В результате анализа норм, закреплённых в Договоре к Энергетической хартии, проекте Протокола по транзиту, источниках права региональных интеграционных объединений, делается вывод об особой юридической природе соответствующих межгосударственных отношений.

The article examines the international legal content transit of electricity and natural gas energy transport system across the land. An analysis of the standards set forth in the Energy Charter Treaty, the draft Transit Protocol, the sources of law regional integration, concludes the special legal nature of the relevant inter-state relations.

Ключевые слова: договор, протокол, транзит, переговоры, энергоресурсы, контракт.

Keywords: agreement, protocol, transit, negotiations, energy, contract.

Одним из наиболее важных аспектов международного энергетического сотрудничества являются отношения по поводу экспорта и импорта энергоресурсов. Особую значимость соответствующим отношениям придаёт тот факт, что для осуществления поставок таких энергоресурсов, как электроэнергия и природный газ, применяются энерготранспортные системы, соединяющие сухопутные пространства, находящиеся под юрисдикцией нескольких государств. Оптимальным способом надления данных правил юридической силой является заключение многосторонних международных договоров, предусматривающих взаимные права и обязательства государств и иных субъектов международного права по эксплуатации энерготранспортных систем в транзитных целях.

Существенное развитие международного сотрудничества в области поставок энергоресурсов обусловило появление в зарубежных источниках

термина «международное энергетическое право» [1]. В отечественной доктрине международного права некоторые аспекты международного энергетического сотрудничества, включая транзит [2, с. 10 – 13], получают осмысление, но дефицит глубоких исследований юридической природы соответствующих отношений сохраняется. Представляется, именно поэтому место соответствующих юридических норм в системе международного права определяется неоднозначно. Следовательно, международно-правовая природа норм, регулирующих сотрудничество государств по поводу торговли энергоресурсами и сооружению и эксплуатации для этой цели стационарных объектов, по-прежнему нуждается в изучении.

В отечественной науке международного права встречаются точки зрения, констатирующие прирост норм международного экономического права энергетическим компонентом. Для квали-